

Состояние мировой экономики как угроза безопасности России: оценки населения и влияющие факторы

В. В. Каргинова-Губинова¹

¹ Карельский научный центр Российской академии наук

АННОТАЦИЯ

Состояние мировой экономики рассматривается как фактор, влияющий на национальную безопасность населения России. С помощью методов прикладной статистики и социологического подхода были проанализированы данные международного социологического опроса, проходившего в феврале-мае 2017 года в 38 странах. Проанализированы отчеты и статистические базы Всемирного экономического форума, Всемирного банка, Европейской экономической комиссии ООН и Центрального разведывательного управления США. В рамках исследования была показана множественность факторов, определяющих оценки угроз национальной безопасности с учетом персональных характеристик людей и особенностей развития стран их проживания. Примерно одинаково характеризуют внешние и внутренние факторы угрозы своей стране жители России и Израиля. Было построено уравнение множественной регрессии, которое позволяет рассчитывать текущую и прогнозную оценки населением угрозы состояния мировой экономики для безопасности страны. Полученные результаты могут быть использованы для дальнейших исследований дискурса безопасности и особенностей восприятия угроз. Также знание факторов, определяющих оценки угроз, поможет выбрать те инструменты и меры, которые создадут объективную и субъективную безопасность и ее ощущение.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА:

национальная безопасность, экономическая безопасность, риск, глобальная конкурентоспособность, экспорт товаров и услуг, социологический подход, множественная регрессия.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ:

Каргинова-Губинова В. В. Состояние мировой экономики как угроза безопасности России: оценки населения и влияющие факторы // Стратегические решения и риск-менеджмент. 2019. Т. 10. № 2. С. 166–173. DOI: 10.17747/2618-947X-2019-2-166-173

The state of the world economy as a threat to Russia's security: public estimates and influencing factors

Valentina V. Karginova-Gubnova¹

¹ Institute of Economics of the Karelian Research Centre
of the Russian Academy of Sciences

ABSTRACT

This article is aimed at determining the significance of the state of the world economy as a threat to national security for the public of the Russia, as well as the formalization of the factors determining this. The study is based on a sociological approach and assumes primary attention to society, not the state, and cognitive factors. Using the methods of applied statistics, the data of the international sociological survey held in February-May 2017 in 38 countries were analyzed. The reports and statistical bases of the World Economic Forum, the World Bank, the United Nations Economic Commission for Europe and the Central Intelligence Agency were also analyzed. The study showed a plurality of factors that determine the assessment of threats to national security: both the personal characteristics of people and the characteristics of the development of their countries. From all of the countries reviewed, evaluations of Russians to the greatest extent correspond to the estimates of residents of Israel. The multiple regression equation was constructed, it allows to calculate the current and forecast public assessment of the state of the world economy as a threat for the country's security. The results can be used for further studies of security discourse and threat perception. Also, knowledge of the factors that determine the threat assessment will help to choose the tools and measures that will create both objective and subjective security (its feeling).

KEYWORDS:

national security, economic security, risk, global competitiveness, export of goods and services, sociological approach, multiple regression.

FOR CITATION:

Karginova-Gubnova V.V. The state of the world economy as a threat to Russia's security: public estimates and influencing factors. *Strategic Decisions and Risk Management*. 2019;10 (2): 166–173. DOI: 10.17747/2618-947X-2019-2-166-173

1. АКТУАЛЬНОСТЬ

Безопасность является одним из базовых условий устойчивого развития территории (Эколого-экономическая безопасность, 2011; Черников, Орсова, 2008; Ромашин, 2008; Raudeliūnienė, Tvaronavičienė, Dzemyda, 2014). Угрозы национальной безопасности зачастую рассматриваются в качестве элемента окружающей среды (Смирнова, 2016). Они возникают в результате столкновения интересов людей, в том числе в процессе их познавательной активности (Смирнова, 2007). В силу нелинейности процессов и особенностей когнитивной деятельности человека (Каргинова, 2017; Rosenzweig, 2007; Tversky A., Kahneman, 1974; Galton, 1869) абсолютно корректная рефлексия окружающей действительности невозможна (Максимова, Гончарова, Ноязина, 2012). Существуют как адекватные, так и мнимые, искусственно сформированные угрозы; их параметры оцениваются завышенно или заниженно (Мамытов, 2016). Так, например, государство может наращивать численность армии с целью обеспечить собственную оборону, но в других

странах данный факт могут рассматривать как угрозу собственной безопасности (Смирнова, 2010).

В данной работе состояние мировой экономики рассматривается как угроза национальной безопасности для населения России, предпринята попытка формализовать определяющие это факторы. С этой целью предполагается определить общий контур угроз для населения, сопоставить российские и общемировые данные об их значимости, выявить ключевые влияющие факторы и построить уравнение множественной регрессии оценок населения.

Выбор угрозы, обусловленной состоянием мировой экономики, выглядит особенно актуально в условиях глобальной регионализации (Каргинова, 2018). Анализ оценок населением конкретных угроз национальной безопасности позволит определить, каким из них необходимо уделить приоритетное внимание, знание факторов даст возможность сформировать инструменты и принять меры, с тем чтобы минимизировать угрозы. Даже при наличии объективных условий, обеспечивающих экономическую безопасность территории, без ее

субъективного восприятия развития не произойдет: будет отток капитала, населения и т.д.

Кроме того, важно минимизировать восприятие значимости угроз населением и в связи с тем, что в настоящее время люди все больше ориентируются на оценки не экспертов, а таких же простых граждан, которые практически мгновенно распространяются с помощью репостов в социальных сетях. Рядовой читатель зачастую не относится критически к получаемой информации, не делает различия между мнением обывателей и точкой зрения специалиста. А распространяемая информация не всегда соответствует действительности, о чем свидетельствуют исследования (Здоровье, 2013). Соответственно, возможно повышение уровня тревоги в обществе.

2. ТЕОРИЯ

На примере международных угроз был показан общий механизм определения угроз. Так, восприятие угрозы – это результат осмысления возможности и масштаба негативных последствий. В данном случае задействуются когнитивные механизмы: социальное сравнение, каузальная атрибуция, рефлексия и эмпатия. Следовательно, угрозы можно рассматривать в качестве социальных конструктов (Смирнова, 2016).

Угрозы национальной безопасности не всегда воспринимаются рационально. Экспериментально показано, что чувствительность к сигналам опасности повышается, если человек может избежать неприятных последствий, и снижается, если такая возможность отсутствует (Brandtstädter, Voss, Rothermund, 2004). Если человек непосредственно уже сталкивался с негативными последствиями риска, для него значимость угрозы увеличивается (Koshiha, Ohtani, 2015).

Оценка восприятия угроз безопасности проводилась с участием представителей отдельных категорий населения (Платонов, Прокопьева, 2018; Проблемы, 2015) в некоторых регионах России (Полухина, Савенко, 2014) и европейских странах. Так, социологические опросы в Европе и России свидетельствуют о расхождении общественно-политических рисков, оцениваемых как доминирующие среди населения данных территорий. Это, в частности, связано с различной чувствительностью к ценностной значимости объектов и явлений, а также с разным уровнем политической толерантности (Pankratov, 2014).

В исследовании вопросов международной безопасности показано, что группы людей со схожими ценностями реже воспринимают друг друга в качестве источника угрозы, если сравнивать с тем, какого мнения друг о друге придерживаются группы с различными ценностями (Garcia-Retamero, Muller, Rousseau, 2012). По результатам социологического исследования в 25 странах были показаны особенности оценок угроз окружающей среды. Распространенность угроз в связи с использованием новых технологий не приводит к восприятию этих угроз как более значительных. В то же время увеличение числа внедренных технологий повышает уровень тревоги общества. В результате наиболее серьезно угрозы окружающей среды воспринимаются в странах, где уровень использования новых технологий низкий, но стремительно растет (Lima, Barnett, Vala, 2005).

Следовательно, угроза может являться и онтологической, и эпистемологической характеристикой окружающей среды (Смирнова, 2007). Можно считать обоснованным применение социологического подхода, который предполагает первостепенное внимание к обществу и когнитивным факторам (Смирнова, 2010). В частности, данный подход получил развитие в литературе (Buzan, Waever, Wilde, 1998; Buzan, 1983) и будет использован в этом исследовании для дополнения существующих объективных представлений о безопасности субъективными.

3. МЕТОДОЛОГИЯ

В качестве материала для исследования взяты результаты международного опроса Pew Research Center. Респондентам предлагалось оценить, насколько та или иная угроза значима для их страны (значимость каждой угрозы определялась отдельно). Исследование проходило в феврале-мае 2017 года в 38 странах по всему миру, как в развитых (в США, Великобритании и др.), так и в развивающихся (например, в Танзании). В каждой стране опросили более 850 человек, всего почти 42 тысячи человек. В качестве показателей репрезентативности выборки учитывали пол, возраст, регион проживания, а дополнительно в 36 странах – образование, в ряде стран – и другие характеристики: этническую принадлежность и территорию происхождения.

Дополнительно были использованы отчеты и статистические базы Всемирного экономического форума, Всемирного банка, Европейской экономической комиссии ООН и Центрального разведывательного управления США.

Данные литературы обработаны с помощью методов прикладной статистики, в первую очередь посредством корреляционно-регрессионного анализа и построения уравнения множественной регрессии.

4. РЕЗУЛЬТАТЫ

Анализ материалов международного опроса Pew Research Center позволил определить доли респондентов, посчитавших угрозу значительной для своей страны, и существующие расхождения в оценках жителей разных стран. Наиболее важными угрозами являются исламская группировка ИГИЛ (организация запрещена на территории России) и глобальное изменение климата. Совпали мнения относительно опасности кибератак из других стран и состояния мировой экономики, менее значимым оказалось большое число беженцев. Большинство людей (35%) озабочены доминированием США, меньше (31%) – России и Китая (табл. 1).

Ситуация в России несколько отличается от мировой. Для россиян угроза исламской группировки ИГИЛ значительно превосходит все остальные. Наибольшее расхождение с мировыми данными наблюдается в отношении глобального изменения климата: как значительную угрозу рассматривают 35% россиян (на 26 п.п. или в 1,7 раз меньше, чем в мире). Состояние мировой экономики как угрозу национальной безопасности россияне также воспринимаются реже, чем в среднем по миру, однако расхождения в данном случае не столь

Таблица 1
Оценка угрозы в качестве значительной для страны проживания, %
опрошенных респондентов (по данным (Poushter, Manevich, 2017))

Угроза	В среднем по миру	Россия	Расхождение, п.п.
Исламская группировка ИГИЛ*	62	58	-4
Глобальное изменение климата	61	35	-26
Кибератаки из других стран	51	34	-17
Состояние мировой экономики	51	38	-13
Большое число беженцев из Ирака и Сирии	39	37	-2
Власть и влияние США**	35	37	2
Власть и влияние России***	31	-	-
Власть и влияние Китая	31	19	-12

Здесь и далее для расчета средних значений по группе стран использовался показатель медианы.
Не предлагалось оценивать: * в Турции; ** в США; *** в России.

значительные. Доминирование США сильно волнует 37%, почти в два раза больше, чем власть и влияние Китая.

Сопоставление оценок угроз в России и макрорегионов мира показало наименьшее расхождение с Северной Америкой (рис. 1) и с Израилем, в отношении состояния мировой экономики как угрозы национальной безопасности – с Великобританией, Венгрией и США. Значимость угрозы доминирования США воспринимается как более высокая по сравнению с аналогичной угрозой Китая, данное наблюдение сделано не только в России, но и на Ближнем Востоке, и в Латинской Америке. В Латинской Америке, на Ближнем Востоке, в Африке и Канаде в качестве основной угрозы рассматривают США, в Европе и самих США – Россию, и только в Азиатско-Тихоокеанском регионе – Китай.

В США, России и большинстве стран (70%) Европы существует зависимость между возрастом и оценкой ИГИЛ (запрещена на территории России) в качестве угрозы национальной безопасности: представители старшего поколения считают данную угрозу более существенной, чем молодежь (табл. 2). В России расхождение наименьшее – 12 п.п.; наибольшее – в Нидерландах, 32 п.п. (Poushter, Manevich, 2017).

Прослежена зависимость между политическими взглядами респондента и его оценкой значимости угроз национальной безопасности (табл. 3): правые больше обеспокоены ИГИЛ (запрещена на территории России) и большим количеством беженцев, левые – глобальным изменением климата. В Европе сторонники правых выше оценивают угрозу беженцев (Poushter, Manevich, 2017). В США респонденты делились на либералов (левых), умеренных (центристов) и консерваторов (правых).

Можно предположить, что подобные расхождения по данным России проследить трудно из-за отсутствия четкого разделения партий на правых и левых.

С учетом поставленной цели основное внимание уделено угрозе состояния мировой экономики. В отношении данной угрозы указанных выше зависимостей выявлено не было (Poushter, Manevich, 2017). Исследована зависимость ее оценок:

- от конкурентоспособности экономики страны (индекс глобальной конкурентоспособности),
- от значимости экспорта и импорта (доля экспортируемых и, соответственно, импортируемых товаров и услуг в ВВП),
- от уровня экономического развития (ВВП на душу населения по паритету покупательной способности),
- от темпов роста экономики (годовой рост ВВП).

На основании рассчитанного коэффициента корреляции Пирсона (табл. 4) показано, что между оценкой состояния мировой экономики в качестве угрозы национальной безопасности и всеми рассматриваемыми показателями существует обратная связь, прежде всего с конкурентоспособностью экономики, на втором месте по значимости – уровень экономического развития. Доля экспорта в ВВП влияет существеннее, чем доля импорта, а темп роста экономики – меньше всего.

Далее для построения уравнения множественной регрессии и исключения мультиколлинеарности были рассчитаны

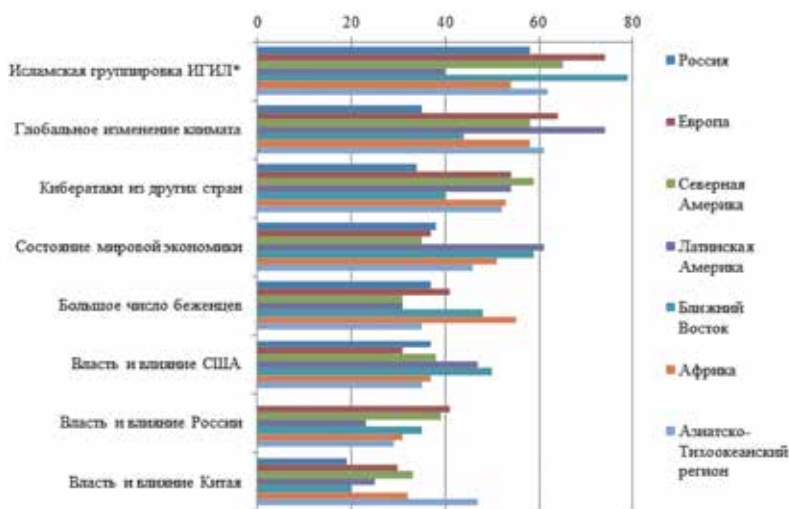

Рис. 1. Оценка угрозы в качестве значительной для страны проживания по макрорегионам, % опрошенных респондентов (по данным (Poushter, Manevich, 2017))

Угрозу от ИГИЛ (организация запрещена на территории России) не предлагалось оценивать в Турции, власть и влияние США – в США, власть и влияние России – в России

Таблица 2
Оценка угрозы исламской группировки ИГИЛ (запрещена на территории России) в качестве значительной для страны проживания в зависимости от возраста, % респондентов (по данным (Poushter, Manevich, 2017))

Территория	Возраст, лет			Расхождение*, п.п
	18–29	30–49	50+	
Среднее значение по США и странам Европы, где расхождение статистически значимо	49	67	79	30
Россия	51	55	63	12

* Между самой старшей и самой молодой возрастными группами.

Таблица 3
Оценка угрозы в качестве значительной для страны проживания в зависимости от политических взглядов, % опрошенных респондентов (по данным (Poushter, Manevich, 2017))

Угроза	Левые	Центристы	Правые	Расхождение, п.п.
Исламская группировка ИГИЛ (запрещена на территории России)	63	77	79	16
Глобальное изменение климата	73	66	55	-18
Большое число беженцев из Ирака и Сирии	20	36	52	32

коэффициенты линейной парной корреляции между рассматриваемыми признаками. На основании более высокой значимости индекса глобальной конкурентоспособности по сравнению с ВВП на душу населения и экспорта товаров и услуг по сравнению с импортом, а также их высокой парной корреляции показатели ВВП на душу населения и импорт товаров и услуг исключены из дальнейшего анализа.

Для остальных индикаторов построены различные варианты уравнений множественной регрессии, рассчитана стандартная ошибка для нескольких групп индикаторов (табл. 5). Был выбран вариант уравнения через индекс глобальной конкурентоспособности и экспорт товаров и услуг, так как именно этому варианту соответствует минимальная стандартная ошибка оценки (вариация фактических оценок относительно линии регрессии). Существенность связи и статистическая значимость уравнения регрессии подтверждены с помощью критерия Фишера, который составил 8,378 (критическое значение – 3,245).

Уравнение множественной регрессии имеет вид:

$$y = 1,0934 - 0,1170x_1 - 0,0019x_2,$$

где y – оценка населением угрозы состояния мировой экономики для безопасности страны; x_1 – индекс глобальной кон-

курентоспособности страны; x_2 – экспорт товаров и услуг, % от ВВП.

Расчет прогнозной оценки по уравнению и ее сопоставление с фактическими данными показали, что указанные факторы с предлагаемым уровнем значимости в меньшей степени объясняют оценки в Сенегале, Швеции, Польше, Германии и Индии (даны по убыванию).

Также были рассчитаны оценки угрозы состояния мировой экономики для национальной безопасности страны по данным за 2007–2016 годы для России (рис. 2). Среднегодовые изменения можно считать незначительными – всего 0,66 п.п. Это обусловлено разнонаправленным влиянием глобального индекса конкурентоспособности (+9,1%) и снижением доли экспорта товаров и услуг в ВВП (– 13,7%).

5. ВЫВОДЫ

Оценки угроз национальной безопасности для страны проживания зависят как от персональных характеристик респондентов (в частности, возраста и политических взглядов), так и от особенностей развития их стран (показатели

Таблица 4
Связь оценок угрозы состояния мировой экономики для безопасности страны и выбранных в рамках исследования национальных показателей (по данным (Poushter, Manevich, 2017; The Global Competitiveness, [s.a.]; The World Bank Group, [s.a.]; Статистическая база, [б.г.]; The World Factbook, [s.a.]])

Показатель	Коэффициент корреляции Пирсона	Связь
Индекс глобальной конкурентоспособности	-0,52	Заметная обратная
Экспорт товаров и услуг, % от ВВП	-0,34	Умеренная обратная
Импорт товаров и услуг, % от ВВП	-0,24	Слабая обратная
ВВП на душу населения по ППС, долл.	-0,39	Умеренная обратная
Годовой рост ВВП, %	-0,14	Слабая обратная

Примечание: использованы данные об экспорте и импорте Японии за 2016 год, Венесуэлы – за 2014 год.

Таблица 5
Стандартная ошибка по уравнениям множественной регрессии (по данным (Poushter, Manevich, 2017; The Global Competitiveness; The World Bank Group, [s.a.]; Статистическая база; The World Factbook, [s.a.]])

Число индикаторов	Индикатор	Стандартная ошибка
3	Индекс глобальной конкурентоспособности; экспорт товаров и услуг; годовой рост ВВП	0,1427
2	Индекс глобальной конкурентоспособности; экспорт товаров и услуг	0,1410
1	Индекс глобальной конкурентоспособности	0,1447

Примечание: использованы данные об экспорте Японии за 2016 год, Венесуэлы – за 2014 год.

конкурентоспособности, экспорта, импорта и т.д.). Существует заметная обратная связь между состоянием мировой экономики для национальной безопасности и конкурентоспособностью экономики страны и умеренная обратная связь с долей экспорта в ВВП и ВВП на душу населения. Таким образом, эти факторы оказывают влияние не только на реальную безопасность, но и на ее восприятие. Динамика указанных макроэкономических характеристик воздействует на сам дискурс безопасности и воздействует как прямо, так и опосредованно, через СМИ, общественные настроения и др.

Множественность факторов, определяющих степень значительности конкретной угрозы национальной безопасности, является причиной существенного расхождения оценок населения разных стран. По сравнению со среднемировыми данными в России более значима угроза от исламской группировки ИГИЛ (запрещена в России) (она превосходит оценки остальных угроз в 2–3 раза), глобальное изменение климата признается значительным в 1,7 раза реже, чем в мире. Оценка россиянами угрозы состояния мировой экономики для национальной безопасности также ниже, чем в среднем по миру.

Построенное уравнение множественной регрессии позволяет рассчитывать текущую и прогнозную оценки угрозы состояния мировой экономики для безопасности страны. Было показано, что с 2007 по 2017 год наблюдаются незначительные флуктуации оценок населения России, что связано с разнонаправленным влиянием роста конкурентоспособности национальной экономики и снижения доли экспорта товаров и услуг в ВВП.

Знание факторов, определяющих восприятие угроз национальной безопасности населением страны, необходимо для построения грамотной политики – выбора тех инструментов и мер, которые создадут и объективную, и субъективную безопасность (ее ощущение). Грамотная политика будет способствовать предпринимательской активности, предотвратит миграцию населения, увеличит рождаемость и т.д. Соответственно, будет обеспечено устойчивое и безопасное развитие территории.

БЛАГОДАРНОСТЬ

Статья выполнена в рамках научно-исследовательской работы «Методология системного исследования и управления развитием экономического и социокультурного пространства северного и приграничного поясов России в контексте национальной безопасности» № 0224-2019-0002.

ЛИТЕРАТУРА

1. Здоровье и окружающая среда: принципы коммуникации риска (2013) / Всемирная организация здравоохранения. Копенгаген: Европейское региональное бюро ВОЗ. 84 с.
2. Каргинова В. В. (2017). Восприятие риска в рамках семейно-бытовых и общественно-профессиональных ролей: сходство и различия // Проблемы анализа риска. Т. 14, № 3. С. 24–32.
3. Максимова С. Г., Гончарова Н. П., Ноянзина О. Е. (2012). Особенности восприятия риска в структуре оценки лич-

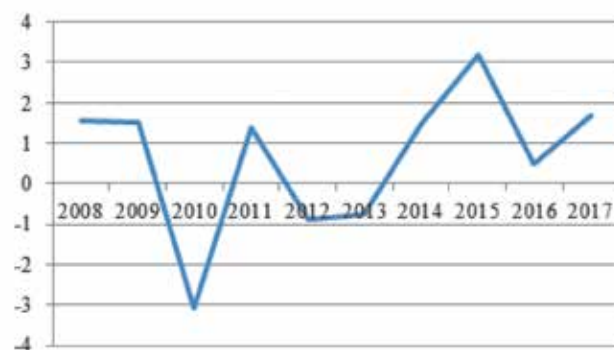

Рис. 2. Изменение прогнозной оценки угрозы состояния мировой экономики для безопасности страны населением России, п.п. (по данным (Competitiveness Dataset, [s.a.]; The World Bank Group, [s.a.]))

ной и социальной безопасности // Известия Алтайского государственного университета. №2-1. С. 211–215.

4. Мамытов Т. Б. (2016) Угрозы безопасности жизненно важным интересам личности, общества и государства // Известия вузов Кыргызстана. № 10. С. 205–207.
5. Платонов А. В., Прокопьева С.А. (2018). Представления студентов о национальной безопасности России // Международный научно-исследовательский журнал. № 1 (67). Ч. 4. С. 60–62. DOI: 10.23670/IRJ.2018.67.054.
6. Полухина А. В., Савенко Е. И. (2014). Исследование угроз национальной экономической безопасности России: социологический опрос // Экономические отношения. № 1. С. 21–26. DOI: 10.18334/37332.
7. Проблемы национальной безопасности: региональный уровень (2015) / В. В. Рудой [и др.]. Ростов-на-Дону: ЮРИУ РАНХиГС. 272 с.
8. Ромашин А. Ф. (2008). Продовольственная безопасность как фактор устойчивого развития России. Нижний Новгород: Издательство Волго-Вятской академии государственной службы. 127 с.
9. Смирнова А. Г. (2007). Восприятие угрозы в международных отношениях: в поисках теоретических оснований // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭК. Т. 3, № 4. С. 193–208.
10. Смирнова А. Г. (2016). Механизмы конструирования политическими лидерами внешней угрозы в межгосударственных отношениях. Ярославль: ЯрГУ. 420 с.
11. Смирнова А. Г. (2010). Угрозы и их изучение в социологии международных отношений // Социологический журнал. № 2. С. 35–49.
12. Статистическая база данных ЕЭК ООН ([б.г.]) // UNECE. URL: https://w3.unece.org/PXWeb2015/pxweb/ru/STAT/STAT_10-CountryOverviews_01-Figures.
13. Черников А. П., Орсова М. В. (2008). Энергетическая безопасность как фактор устойчивого развития региона. Иркутск: Байкальский государственный университет экономики и права. 173 с.
14. Эколого-экономическая безопасность как фактор устойчивого развития региона (2011) / Ред. В. В. Зыков. Тюмень: Тюменский государственный университет. 156 с.

15. Brandstädter J., Voss A., Rothermund K. (2004). Perception of danger signals: the role of control // *Experimental Psychology*. Vol. 51, № 1. P. 24–32. DOI: <http://dx.doi.org/10.1027/1618-3169.51.1.24>.
16. Buzan B. (1983). *People, States & Fear: The National Security Problem in International Relations*. Brighton: Wheatsheaf Books. 262 p.
17. Buzan B., Waever O., Wilde J., de (1998). *Security: a new framework for analysis* Boulder: Lynne Rienner Pub. 239 p.
18. Competitiveness Dataset ([s.a.]) // World Economic Forum. URL: <http://reports.weforum.org/global-competitiveness-report-2015-2016/report-highlights/>.
19. Galton F. (1869). *Hereditary genius. An inquiry into its laws and consequences*. London: Macmillan. 390 p.
20. Garcia-Retamero R., Muller S. M., Rousseau D. L. (2012). The Impact of Value Similarity and Power on the Perception of Threat // *Political Psychology*. Vol. 33, № 2. P. 179–193.
21. Karginova V. V. (2018). Global regionalization and its impact on the economic security policy in the former soviet union // *Practical Geography and XXI Century Challenges. International Scientific and Practical Conference (Moscow, June 4–6, 2018)*. Institute of Geography, Russian Academy of Sciences. Moscow. P. 645–652.
22. Koshiba Y., Ohtani H. (2015). Public Perception of Physical Risks: Effect of the Experience of Repeated Explosion Accidents at a Chemical Plant // *Open Journal of Safety Science and Technology*. Vol. 5, № 2. P. 45–54. DOI: 10.4236/ojsst.2015.52006.
23. Lima M. L., Barnett J., Vala J. (2005). Risk perception and technological development at a societal level // *Risk Analysis*. 2005. Vol. 25, № 5. P. 1229–1239. DOI: 10.1111/j.1539-6924.2005.00664.x.
24. Pankratov S. A. (2014). Europe and Russia: finding innovative resources for socio-political security // *International Multidisciplinary Scientific Conferences on Social Sciences and Arts (SGEM 2014) (Albena, September 1–10, 2014)*. Sofia: STEF92 Technology Ltd. P. 135–139. DOI: 10.5593/SGEMSOCIAL2014/B21/S4.019.
25. Poushter J., Manevich D. (2017). Globally, People Point to ISIS and Climate Change as Leading Security Threats // Pew Research Center. URL: http://assets.pewresearch.org/wp-content/uploads/sites/2/2017/07/31101043/Pew-Research-Center_2017.07.13_Global-Threats_Full-Report.pdf.
26. Raudeliūnienė J., Tvaronavičienė M., Dzemyda I. (2014). Towards economic security and sustainability: key success factors of sustainable entrepreneurship in conditions of global economy // *Journal of Security and Sustainability Issues*. Vol. 3, № 4. P. 71–79. DOI: [https://doi.org/10.9770/jssi.2014.3.4\(7\)](https://doi.org/10.9770/jssi.2014.3.4(7)).
27. Rosenzweig P. (2007). *The halo effect*. New York: The Free Press. 232 p.
28. The Global Competitiveness Report 2016–2017 ([s.a.]). URL: http://www3.weforum.org/docs/GCR2016-2017/05FullReport/TheGlobalCompetitivenessReport2016-2017_FINAL.pdf.
29. The World Bank Group ([s.a.]). URL: <https://www.worldbank.org>.
30. The World Factbook ([s.a.]). URL: <https://www.cia.gov/library/publications/resources/the-world-factbook/>.

31. Tversky A., Kahneman D. (1974). Judgment under Uncertainty: Heuristics and Biases // *Science*. № 185. P. 1124–1131. DOI: 10.1126/science.185.4157.1124.

REFERENCES

1. Zdorov'e i okruzhayushchaya sreda: printsipy kommunikatsii riska (2013) / Vsemirnaya organizatsiya zdorovookhraneniya. Kopenhagen: Evropejskoe regional'noe byuro VOZ. 84 s. [Health and the environment: risk communication principles (2013) / World Health Organization. Copenhagen: WHO Regional Office for Europe. 84 p. (In Russ.)].
2. Karginova V. V. (2017). Vospriyatie riska v ramkakh semejno-bytovykh i obshchestvenno-professional'nykh rolej: skhodstvo i razlichiya // *Problemy analiza riska*. T. 14, № 3. C. 24–32. [Karginova, V. V. (2017). Risk perception within the family-domestic and socio-professional roles: similarities and differences. *Issues of risk analysis*. 14(3):24–32. (In Russ.)].
3. Maksimova S. G., Goncharova N. P., Noyanzina O. E. (2012). Osobennosti vospriyatiya riska v strukture otsenki lichnoj i sotsial'noj bezopasnosti // *Izvestiya Altajskogo gosudarstvennogo universiteta*. №2-1. C. 211–215. [Maksimova, S. G., Goncharova, N. P., Noyanzina, O. E. (2012). Peculiarities of Risk-Perception in Structure of Estimation of Personal and Societal Security. *Altai State University Journal*. 2-1:211–215. (In Russ.)].
4. Mamytov T. B. (2016) Ugrozy bezopasnosti zhiznenno vazhnym interesam lichnosti, obshchestva i gosudarstva // *Izvestiya vuzov Kyrgyzstana*. №10. S. 205–207. [Mamytov T. B. (2016). Security Threats to the Vital Interests of the Individual, Society and the State. *News of Higher Education Institutions of Kyrgyzstan*. 10:205–207. (In Russ.)].
5. Platonov A. V., Prokop'eva S.A. (2018). Predstavleniya studentov o natsional'noj bezopasnosti Rossii // *Mezhdunarodnyj nauchno-issledovatel'skij zhurnal*. № 1 (67). CH. 4. S. 60–62. [Platonov, A. V., Prokopieva, S. A. (2018). Visions of Students on Russian National Security. *International Research Journal*. 1-4:60–62. (In Russ.)]. DOI: 10.23670/IRJ.2018.67.054.
6. Polukhina A. V., Savenko E. I. (2014). Issledovanie ugroz natsional'noj ekonomicheskoy bezopasnosti Rossii: sotsiologicheskij opros // *Ekonomicheskie otnosheniya*. №1. S. 21–26. [Polykhina, A. V., Savenko, E. I. (2014). Research of threats of the national economic safety of Russia: sociological poll. *Journal of International Economic Affairs*. 1:21–26. (In Russ.)]. DOI: 10.18334/37332.
7. Problemy natsional'noj bezopasnosti: regional'nyj uroven' (2015) / V. V. Rudoj [i dr.]. Rostov na Donu: YURIU RANKHiGS. 272 s. [Problems of national security: regional level (2015) / V. V. Ore [et al.]. Rostov-on-Don: South-Russian Institute of Management. 272 p. (In Russ.)].
8. Romashin A. F. (2008). Prodovol'stvennaya bezopasnost' kak faktor ustojchivogo razvitiya Rossii. Nizhnij Novgorod: Izdatel'stvo Volgo-Vyatskoj akademii gosudarstvennoj sluzhby. 127 s. [Romashin, A. F. (2008). Food security as a factor in the sustainable development of Russia. Nizhny

- Novgorod: Publishing house of the Volga-Vyatka Academy of Public Administration. 127 p. (In Russ.).
9. Smirnova A. G. (2007). Vospriyatie ugrozy v mezhdunarodnykh otnosheniyakh: v poiskakh teoreticheskikh osnovanij // Politicheskaya ekspertiza: POLITEKS. T. 3, № 4. S. 193–208. [Smirnova, A. G. (2007). Perception of a threat in international relations: in search of theoretical grounds. *Political Expertise: POLITEKS*. 3(4):193–208. (In Russ.).]
 10. Smirnova A. G. (2016). Mekhanizmy konstruirovaniya politicheskimi liderami vneshnej ugrozy v mezhdunarodnykh otnosheniyakh. YARoslavl': YARGU. 420 s. [Smirnova, A. G. (2016). Mechanisms of construction by political leaders of an external threat in interstate relations. Yaroslavl: YarSU. 420 p. (In Russ.).]
 11. Smirnova A. G. (2010). Ugrozy i ikh izuchenie v sotsiologii mezhdunarodnykh otnoshenij // Sotsiologicheskij zhurnal. № 2. S. 35–49. [Smirnova, A. G. (2010). Threats and their study in the sociology of international relations. *Sociological Journal*. 2:35–49. (In Russ.).]
 12. Statisticheskaya baza dannykh EEK OON ([b.g.]) // UNECE. [Statistical database of the United Nations Economic Commission for Europe ([s.a.])]. (In Russ.). <https://w3.unece.org/PXWeb/ru>.
 13. Chernikov A. P., Orsoeva M. V. (2008). Energeticheskaya bezopasnost' kak faktor ustojchivogo razvitiya regiona. Irkutsk: Bajkal'skij gosudarstvennyj universitet ekonomiki i prava. 173 s. [Chernikov, A. P., Orsoeva, M. V. (2008). Energy security as a factor of the sustainable development of the region. Irkutsk: Baikal State University of Economics and Law. 173 p. (In Russ.).]
 14. Ekologo-ekonomicheskaya bezopasnost' kak faktor ustojchivogo razvitiya regiona (2011) / Red. V. V. Zykov. Tyumen': Tyumenskij gosudarstvennyj universitet. 156 s. [Ecological and economic security as a factor of the sustainable development of the region (2011) / Ed. V. V. Zykov. Tyumen: Tyumen State University. 156 p. (In Russ.).]
 15. Brandstädter, J., Voss, A., Rothermund, K. (2004). Perception of danger signals: the role of control. *Experimental Psychology*. 51(1):24–32.
 16. Buzan, B. (1983) *People, States & Fear: The National Security Problem in International Relations*. Brighton: Wheatsheaf Books. 262 p.
 17. Buzan, B., Waever, O., Wilde, J. de (1998). *Security: a new framework for analysis*. Boulder: Lynne Rienner Pub. 239 p.
 18. Competitiveness Dataset ([s.a.]). *World Economic Forum*. <http://reports.weforum.org/global-competitiveness-report-2015-2016/report-highlights/>.
 19. Galton F. (1869) *Hereditary genius. An inquiry into its laws and consequences* // London: Macmillan. 390 p.
 20. Garcia-Retamero, R., Muller, S. M., Rousseau, D. L. (2012). The Impact of Value Similarity and Power on the Perception of Threat. *Political Psychology*. 33(2):179–193.
 21. Karginova, V. V. (2018) Global regionalization and its impact on the economic security policy in the former Soviet Union. In: *Practical Geography and XXI Century Challenges. International Scientific and Practical Conference (Moscow, June 4–6, 2018)* / Institute of Geography, Russian Academy of Sciences. Moscow. P. 645–652.
 22. Koshiba, Y., Ohtani, H. (2015) Public Perception of Physical Risks: Effect of the Experience of Repeated Explosion Accidents at a Chemical Plant. *Open Journal of Safety Science and Technology*. 5(2):45–54. DOI: 10.4236/ojsst.2015.52006.
 23. Lima, M. L., Barnett, J., Vala, J. (2005) Risk perception and technological development at a societal level. *Risk Analysis*. 25(5):1229–1239. DOI: 10.1111/j.1539-6924.2005.00664.x.
 24. Pankratov, S. A. (2014). Europe and Russia: finding innovative resources for socio-political security. In: *International Multidisciplinary Scientific Conferences on Social Sciences and Arts (SGEM 2014)* (Albena, September 1–10, 2014). Sofia: STEF92 Technology Ltd. P. 135–139. DOI: 10.5593/SGEMSOCIAL2014/B21/S4.019.
 25. Poushter, J., Manevich, D. (2017). Globally, People Point to ISIS and Climate Change as Leading Security Threats. *Pew Research Center*. http://assets.pewresearch.org/wp-content/uploads/sites/2/2017/07/311101043/Pew-Research-Center_2017.07.13_Global-Threats_Full-Report.pdf.
 26. Raudeliūnienė, J., Tvaronavičienė, M., Dzemyda, I. (2014) Towards economic security and sustainability: key success factors of sustainable entrepreneurship in conditions of global economy. *Journal of Security and Sustainability Issues*. 3(4):71–79. DOI: [https://doi.org/10.9770/jssi.2014.3.4\(7\)](https://doi.org/10.9770/jssi.2014.3.4(7)).
 27. Rosenzweig, P. (2007). *The halo effect*. New York: The Free Press. 232 p.
 28. *The Global Competitiveness Report 2016–2017* ([s.a.]). http://www3.weforum.org/docs/GCR2016-2017/05FullReport/TheGlobalCompetitivenessReport2016-2017_FINAL.pdf.
 29. The World Bank Group ([s.a.]). <https://www.worldbank.org>.
 30. The World Factbook ([s.a.]). <https://www.cia.gov/library/publications/resources/the-world-factbook/>.
 31. Tversky, A., Kahneman, D. (1974) Judgment under Uncertainty: Heuristics and Biases. *Science*. 185:1124–1131. DOI: 10.1126/science.185.4157.1124.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

В. В. Каргинова-Губинова

Кандидат экон. наук, научный сотрудник, Институт экономики – обособленное подразделение Федерального государственного бюджетного учреждения науки Федерального исследовательского центра «Карельский научный центр Российской академии наук». Область научных интересов: экономическая безопасность.

E-mail: vkarginowa@yandex.ru

ABOUT THE AUTHOR

Valentina V. Karginova-Gubinova

PhD of Economics, Research Associate, Institute of Economics of the Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences. Research Interests: Economic Security.

E-mail: vkarginowa@yandex.ru